Минато был мягко говоря удивлен таким поворотом событий.

Раса согласился на большинство его предложений по мирному договору в первые дни после их прибытия, почти не изучив его - и теперь он столкнулся с мальчиком возраста своего сына. Маленький мальчик, на которого, как и на его детей, легло ужасное бремя. Он закрыл глаза, глядя на ужасно неадекватную печать, наложенную на маленького Гаару.

«У меня есть сын твоего возраста, Гаара-кун», — сказал он, улыбаясь испуганному и застенчивому ребенку. Гаара, казалось, больше боялся своего отца, чем Йондайме Хокаге, однако он был для него незнакомцем. Он погладил себя по голове и постарался не вздрогнуть, когда на него напал песок мальчика. Раса резко отругал своего сына, своего малыша , но заткнулся, когда увидел взгляд, брошенный на него Минато. «Я обещаю не причинять тебе вреда, я только хочу помочь».

Гаара трясся всем телом, пытаясь игнорировать крики в голове, требовавшие крови. «Я не хочу причинять тебе боль! Я не хочу никому причинять боль, обещаю!»

Минато кивнул головой, отметив, что Раса почти непроизвольно закрыл лицо руками и слегка попятился, когда услышал отчаянный крик сына. Его руки пролетели сквозь необходимые печати, и он прижал ладонь к животу мальчика, закрывая глаза, чтобы еще больше защитить себя от защитного песка мальчика. «Печать четырех символов!»

Мальчик закричал, прежде чем песок упал на пол, и Гаара потерял сознание.

"Готово?" — нерешительно спросил Раса, радуясь, что охранник Хокаге не напал на его сына-джинчуурики, когда Минато был ранен. Хокаге приказал им отойти сквозь запечатывание, но он не был уверен, что, если бы обстоятельства поменялись местами, его охранник сделал бы то же самое – или хотел бы он вообще, чтобы они отступили.

«Хай», — сказал Минато, глядя на печать, когда его сенсей подошел к нему, а также на то, как он настроил ее для работы с предыдущим жалким оправданием печати Гаары. Запечатывание отняло у него немало чакры! «Поскольку обе его печати содержат четное количество элементов, ваш сын все равно сможет получить доступ к его чакре. И, надеюсь, — добавил он, глядя на темные мешки под глазами ребенка, — он сможет спать спокойно». после этого."

Раса поблагодарил богов наверху и отправил безмолвное послание своей покойной жене, сообщив ей, что их кошмар, возможно, наконец-то закончится. «Как ты думаешь, ему безопасно встречаться со своими братьями и сестрами?» — тихо спросил он.

Минато выровнял черты лица и подарил ему (фальшивую, но) безмятежную улыбку. — Семья важна, да? — спросил он, чувствуя себя плохо. Он ужасно скучал по Кушине и Мито. А Наруто уже даже не помнил свою сестру и несколько сожалел, что попросил Какаши надеть на его сына дзюцу, которое гарантировало бы это. На данный момент.

Это было только сейчас: всего лишь временное решение.

Он заверил Расу, что Джирайя способен наблюдать за маленьким Гаарой, пока они возвращаются в его ближайший офис.

«У других ваших детей есть ваши способности?» — с любопытством спросил Минато, ведь Раса был с ним таким смелым и открытым в этой поездке. «Возможно, мне не следовало спрашивать», — признал он, поскольку оставшемуся охраннику и взводу охраны было разрешено войти в офис Расы и вокруг него.

Его мальчики были такими чрезмерно опекающими!

Раса провел рукой по волосам и покачал головой, прежде чем протянуть руку. «То, что вы сделали, — начал он, контролируя свои почти подавляющие эмоции, — то, что вы сделали, сделало нас союзниками на всю жизнь, Минато-сама». Он схватил Хокаге за руку в жесте доброй воли и обещания. «Альянс Суны и Конохи не будет разорван или побежден, пока я жив».

Минато улыбнулся, невероятно благодарный за эти слова. Однако он знал, что обстоятельства могут измениться, но хотел выполнить свою часть сделки. «Союзники», — согласился он, схватив Казекаге за руку. "И друзья."

Раса улыбнулся ему в ответ, и на мгновение Минато был ошеломлен. Он не думал, что когда-либо видел такое выражение своего лица раньше: что Раса был способен даже так сиять и выглядеть таким очевидным облегчением. И это чем-то напомнило ему…

«Знаете ли вы, что моя прабабушка была Узумаки?» — спросил Раса, чувствуя себя на мгновение почти свободным от своих непосильных обязанностей, но зная, что это не так. — Кушина-сама тоже была одной из них, не так ли?

Минато усмехнулся, несмотря на то, что ему казалось нескончаемой скорбью по умершей жене. «Кушина родом из Узусио, хотя я не знал о вашей семье, Раса-сама. У нас – и наших семей – похоже, много общего».

«Действительно, — сказал Раса, задаваясь вопросом, был ли ребенок Минато также контейнером для демонов (из-за того, когда напали Кьюби. Дата нападения на Коноху, смерть Хабанеро вскоре после этого и рождение их ребенка совпали слишком сильно). «Теперь давайте приступим к работе над этим торговым соглашением!»

Они провели официальные переговоры всего несколько часов, когда пришло срочное сообщение от Хи-но Куни. Минато прочитал это и закрыл глаза. Он сделал клона Хирайшина даймё, молясь, чтобы его дочь осталась в безопасности.

Когда клон рассеялся через несколько минут, он встал. «Раса-сама. Пожалуйста, простите меня, но я должен прервать нашу встречу».

"Все в порядке?" — спросил Раса, пытаясь не обращать внимания на то, как расширились глаза его зятя за маской АНБУ, словно он не верил, что тот способен проявить сочувствие. Он, наверное, забыл, что у меня есть сердце.

«Мне нужно многое компенсировать», — подумал Раса.

«Все будет», — ответил Хокаге, не забывая продолжать плотно сжимать чакру внутри себя, пытаясь сохранять спокойствие. «Я оставлю Джирайю вместо себя и вернусь как можно скорее. Если вы меня извините».

"Конечно."

.

«Я хочу домой, ты, одноглазый, маменькин ублюдок! Где Кустибровые Брови и эти Любители Мечей?»

Как и все, кого он считал настоящим шиноби, Данзо не позволил отвращению к невоспитанности ребенка затмить свое суждение. Это была просто еще одна порочная черта, которую нужно было подавить в ребенке. — Как я уже говорил, Наруто-кун, меня попросили охранять тебя вместо Майто-сана и Узуки-сана, — солгал он. Потребовалось много людей, чтобы вывести из строя извергающего Молодёжь Джонина, особенно, но они одержали победу. Теперь Майто-сан был заперт на своей базе. Узуки-сан и Гекко-сан находились в медицинском отсеке неподалеку и находились в медикаментозной коме.

Несчастному не следовало убегать от них, если они были для него так важны, не так ли?

Данзо надеялся узнать, что отравило Гекко-сан, на случай, если это повторится с другим шиноби. Он приказал своим людям найти противоядие или вакцину и т. д., если они не ожидали чего-то иного, чем яд.

«В столице произошло нападение, и как сын Хокаге и джинчуурики, ваша безопасность имеет первостепенное значение», — добавил Данзо.

Наруто усмехнулся, но сморщил нос, задаваясь вопросом, что означают некоторые из этих слов. — Пара… Джинчи, что теперь?

«Первостепенное» означает «важный», Наруто-кун: ты человек огромной важности», — объяснил Данзо, задаваясь вопросом, учил ли Хокаге его сына чему-нибудь, или юный Наруто был просто таким же бестактным и тупым, каким, по его мнению, была его мать, особенно когда ребенок, казалось, раздулся от гордости за свои слова. «Твой отец не говорил тебе, что ты — сосуд Кьюби?» — двусмысленно спросил он.

— Ч-что такое судно? — нерешительно спросил мальчик. Наруто был в бешенстве! Кьюби? Кьюби убил Каа-сана!

Данзо ухмыльнулся и отвернулся, прежде чем сесть напротив маленького мальчишки. «Сосуд – это контейнер».

«Как кувшин? Или свиток?» — с любопытством спросил Наруто.

«Да», — ответил Данзо, наблюдая, как мальчик пытается разобраться со своим бременем. По его мнению, получение подтверждения о том, что его силы сокрушили столицу, должно стать лишь вопросом времени. «Ты должен быть сильным, чтобы сдержать Кьюби».

— Это так, — тихо начал Наруто, держась за живот: он думал, что видел там тюленя однажды раньше, [некоторые дети учились формовать чакру в Академии (он уже знал как)], но думал, что ему это показалось. потому что его старший брат в тот день смотрел на книгу печатей своими красными глазами. Каши-нии-сан был чудаком, но обычно позволял ему заниматься своими делами, например, шпионить за книгой запечатывания, пока он ее читал. Однако он никогда не позволял ему читать оранжевую надпись, которая всегда была у него на лице!

«Это… внутри меня?» — спросил он в конце концов.

Наруто почувствовал себя плохо! Нет: он чувствовал себя хуже, чем просто болен! Внутри него была большая ужасная штука, которая убила его маму и всех остальных людей? Как это произошло?! Как это было возможно?

Это была неправда, не так ли?

Его отец, должно быть, ненавидел его, если это было правдой!

Но подождите: его отец любил его! Он говорил это все время!

— Да, Наруто-кун, — сказал Данзо, улыбаясь, как ему казалось, по-дедушкински. Ему придется тренировать джинчуурики иначе, чем других дронов, по крайней мере до тех пор, пока паршивец не поверит ему или пока он не будет должным образом психически подготовлен. «На тебе лежит огромная ответственность перед Конохой, но Сандайме-сама верила, что ты сможешь ее оправдать».

"Он сделал?" Наруто спросил с благоговением. Его величайшими героями были его отец и Сандайме-сама! Сандайме-сама убила Кьюби. Ждать! «Кьюби мертв», — сказал он, его тихий голос дрожал, хотя он и хотел оставаться сильным.

«Конструкцию из чакры невозможно убить, Наруто-кун». Данзо был рад, что ребенок выглядел ошеломленным, но принял его слова, поскольку у него началась гипервентиляция. Очевидно, отец его чему-то учил. Он зажал голову мальчика между коленями и приказал ему немедленно успокоиться.

Как только ребенок стал хоть немного контролировать свои эмоции, он заговорил. «Я бы хотел помочь тебе стать сильнее, чтобы ты смог защитить себя и деревню от Кьюби».

Наруто кивнул: он хотел стать сильнее, но его отец говорил «всему хорошему свое время» и всякую ерунду. — А что насчет Тоу-сана? — тихо спросил он, а затем почувствовал, как паника поднимается в его груди. «То-сан в порядке?!»

— Конечно, Наруто-кун, — сказал Данзо, заставляя себя снова улыбнуться. «Твой отец широко известен как сильнейший шиноби в мире: самый сильный шиноби со времен Второго Лорда». Данзо подавил свое отвращение и зависть, пытаясь использовать ребенка, чтобы сделать его сильнее, чем кто-либо до него. За Коноху!

Наруто кивнул, много раз слышав, каким сильным и быстрым был его отец. Он заставил себя убрать руку с живота и сжал стул так крепко, как только мог. — Он нам поможет?

— О да, — самодовольно сказал Данзо. «Он будет вынужден это сделать», — сказал он себе под нос.

— Что значит «принуждение»?

Данзо на мгновение нахмурился. Какой ужасный паршивец...

"Жалкий."

«Я нет », — прорычал Мито, уставший от поведения лисы. Она не была уверена, как долго ее держали в плену, но она хотела пить, была голодна и смертельно устала от всего, черт возьми! Ко всему этому еще и злобность лисы? Ей это было не нужно.

Курама ухмыльнулся. Он был рад, что его корабль все еще сохранил боевой дух, несмотря на обстоятельства.

И разве ее обстоятельства не были интересны? Или тревожит , неохотно признался он себе. Люди были такими предсказуемыми и отвратительными, хотя он мог признать, что Мито-2 отличалась от большинства людей, с которыми он сталкивался, и совершенно отличалась от

своего ужасного тезки.

Для Мито было очевидно, что ее вторая печать была взломана, и теперь она сидела прямо перед клеткой с лисой, за безопасность которой умер ее дедушка. Она не признавалась, что ей было страшно – лиса все равно убьет ее за такие слова, к тому же у нее была гордость – но она оказалась в «трудной» ситуации.

Казума был как минимум наполовину безумен. Пока что, не слушая, как он бормочет про себя, как сумасшедший, он планировал заставить ее отца уйти в отставку в пользу кого-то другого и назначить другого члена семьи даймё: того, кто согласился с ним «объединить Землю». огня." Из-за (дерьмовых) печатей, которые он продолжал накладывать на нее, она то приходила в сознание, то теряла его, обычно осознавая, что происходит, лишь на время, достаточное для того, чтобы ее сбили с толку и вывели из строя, когда она неизбежно сопротивлялась.

Казума не рассчитывал, что она окажется такой сильной, даже не имея возможности использовать свою чакру. Она ухмыльнулась, просто подумав о его костях, которые она сломала, и о том, как теперь выглядело его опухшее, черно-синее лицо. Она была уверена, что его орбитальная кость была раздроблена.

Конечно, то, что она сделала, только разозлило его, и он заставил ее заплатить за это.

«Наверное, я выгляжу ужасно», — подумала она про себя, прежде чем закричать и прийти в сознание, когда почувствовала, как кунай толкнул ее в спину.

Ебать! Он пытался снять с нее маркер Хираишин, который был у ее отца!

«Пожалуйста, ОСТАНОВИТЕСЬ», — кричала она хриплым голосом и хотела схватиться за разорванный верх пижамы, в то время как Казуна отбросил в сторону часть ее ободранной плоти, выглядя довольным собой. Ками: ее тело было почти открыто для него! Она попыталась успокоить свое бешено колотящееся сердце, вспомнив, что она медик куноичи. Как только к ней вернётся чакра, она сможет исцелить себя, и… И…

— Извиняюсь, — неискренне сказал Казума. «Если бы ты просто прекратил сражаться, мне не пришлось бы причинять тебе боль. …Я знал, что это не печать демона», — добавил он. Он разорвал кунай на ее шортах, заставив ее снова завыть на него. «Заткнись. Я не заинтересован в том, чтобы причинить тебе вред: я только ищу дополнительные печати».

«Других у меня нет — ты, черт возьми, ИЗВРАЧИТЕЛЬ», — сказала она, стараясь не заплакать. Однако она не могла не всхлипнуть, когда он подвигал ее, проверяя все ее тело на наличие новых уплотнений. По крайней мере... по крайней мере, он не прикасался ко мне таким образом ... Он только двигал ее руками и ногами, и... И...

«Пожалуйста, Казума-сан. Ты… хороший человек», — сказала Мито, ненавидя то, что ей пришлось наклониться так низко, пытаясь спрятаться (или, точнее, желая спрятаться). «Ты ОТЕЦ!» Она поняла, что, перемещая ее, когда он пытался… увидеть ее всю, теперь она могла двигать руками. Но она не могла использовать свою чакру! Он действительно испортил ее систему чакр.

Казума рассмеялся, но это был невесёлый звук.

«Ты отец , не так ли?» — спросила она чуть больше шепота. Она надеялась, что, если она сможет заставить его говорить, она чему-то научится (и дополнительным преимуществом было то, что он потенциально не причинит ей еще больше вреда - если она сможет сдержать свою

ярость и не разозлить его еще больше).

«Сора-кун — инструмент. Найнтейлз забрал мою семью!» Он отказался смотреть на жалость, которую, как ему казалось, он увидел в двухцветных глазах подростка. Он накинул на нее одеяло.

«С-спасибо», сказала она, стараясь скрыть в голосе всю враждебность и ненависть, которую она к нему испытывала. Боже, она хотела убить этого парня. Если бы она убила всех остальных шиноби, она бы, черт возьми, убила и этого парня.

«Извиняюсь», - сказал он еще раз, прежде чем ударить ее по лицу, отбросив ее прямо в чертоги разума.

Мито сильно заморгала, пытаясь сориентироваться, поскольку каким-то образом оказалась в подвале. "Пожалуйста, помогите мне."

То, как она общалась с Кьюби, когда едва могла говорить, ей придется поразмыслить позже.

— И что я получу, помогая тебе?

"Что ты хочешь?" — спросил Мито.

Курама не мог смотреть на нее: она была чертовски избитой, и на нее было больно смотреть! «Ты знаешь, чего я хочу. Я хочу свободы, я хочу мести!»

"Я тоже."

Инари помогла ему, но Курама ей поверил. «Это будет непросто».

«Ничего важного никогда не бывает».

«Чертовски ужасный человек». Мито попыталась ему улыбнуться, и Курама понял, что ему придется отрастить некоторые из ее зубов. Постоянные зубы! Какая боль в заднице! «Ты выглядишь как дерьмо». Мито смотрел на него несколько долгих мгновений.

— Ты бы, наверное, сказал так, даже если бы я был выдуман, Кьюби-сама.

«Это потому, что макияж тебе не поможет», — честно сказал он. Люди были отвратительными, а у Мито были странные волосы на макушке. «Как я могу помочь тебе, если ты не можешь получить доступ ни к своей, ни к моей чакре?» — риторически спросил он.

Мито застонала, когда начала чувствовать, через что пришлось пройти ее телу, даже здесь, в подвале ее чертога разума. — Я… мне, очевидно, пора уходить отсюда.

"А что потом?" Курама задавался вопросом, поймет ли она, о чем он думает, и пытался убедить себя не помогать ей, пока она этого не сделает. «Ты не знаешь, где ты».

О чем, черт возьми, он вообще думал, помогая моим джинчурики? Я сошел с ума?!

Он понимал кое-что в Мито. У него был отец, отец, которого он любил, и Мито тоже. Хотя отец Мито был всего лишь пятнышком муравьиных фекалий по сравнению с моим собственным . У него были братья и сестры, и Мито была до смешного предана брату и сестре, с которыми ей еще предстоит встретиться.

Это были вещи, которые он мог уважать. Но она была человеком и его тюремщицей. -Это были вещи, которые были почти непростительны.

Мито всхлипнула, наконец указывая на свой лоб; ее руки, возможно, и не были в синяках, и ее руки не были скованы вместе здесь, в подвале ее Чертогов разума, как это было на самом деле, но они все равно болели. «У меня есть Печать Силы Сотни, оставшаяся с тех пор, как я был партнером Кацуи-самы. Может, мы сможем ее использовать?»

Она застонала и несколько раз моргнула, снова оказавшись перед Казумой, но на этот раз ее бросили за решетку: настоящую решетку. Эта рана на спине убивала ее, и она была чертовски глубокой! Она усмехнулась, когда увидела, что плоть все еще лежит на полу по другую сторону ее новой клетки. Мог ли ее отец отследить ее по этому поводу? Судя по тому, что она могла видеть, маркер Хираишин был цел: Казума только что снял его с нее.

Как будто она чертова картошка!

Сволочь. Я получу тебя за это.

— Ты снова проснулся? — спросил Казума, прежде чем напрячься, прислушиваясь к закодированному стуку, прежде чем расслабиться. «Старейшина Эрен», — приветствовал он заслуженного монаха-ниндзя — одного из немногих, на кого, как он знал, он мог рассчитывать. "Что за слово?"

Мито заметила, что старшая выглядела бледной, и хотела посмеяться над его беспокойством, но, естественно, промолчала. Затем он слишком долго смотрел на нее, прося поговорить с Казумой в коридоре. Мито смотрела, как он уходит, ненавидя то, что он снова смотрит на нее так , но ей хотелось посмотреть, сможет ли она понять, где они сейчас. К сожалению, она не смогла увидеть ничего узнаваемого или значимого, хотя и отшатнулась от того, как он на нее смотрел.

Слава Ками, у нее все еще было одеяло, закрывающее большую часть ее тела.

Курама подошел ближе к дрянной решетке своей собственной тюрьмы, ненавидя то, что, убив Мито, он положит конец своему существованию. Только если она откроет дверь клетки, он сможет потенциально оказаться на свободе.

Он также ненавидел этого предполагаемого старейшину. Он чувствовал негативные эмоции и знал, чего этот ублюдок хочет от своего сосуда.

Мито провела большим пальцем по крови, текущей из раны на спине. — Кьюби-сама, у меня есть идея.

Старейшина-извращенец вернулась одна, и Мито начала осторожно проходить через определенные ручные печати за спиной, поскольку ее руки все еще были связаны. Используя мышцы рук, она заставила одеяло соскользнуть ниже груди и застыть.

«Наконец-то ты остался один, — сказал старик, — и весь в моем распоряжении», — выдохнул он, входя в камеру молодой женщины.

Нет-нет-нет-нет-нет!

«Я рад, что ты проснулся», — сказал он неряшливым своим дурацким, более высоким, чем обычно, голосом. "Так красиво!"

— Держись от меня подальше, — тихо потребовала Мито, на мгновение забыв обо всех своих тренировках куноичи.

«Ох. Боюсь, я не смогу этого сделать, Дорогая». Он начал сбрасывать мантию, и Мито чуть не впала в шок.

«Неприемлемо! Соберись!» — возмутился Курама. Он понял, что, врезавшись в решетку своей камеры, потратил слишком много времени, посмотрел на своих хныкающих джинчуурики и вонзил единственный коготь через клетку прямо в лоб Мито. Эффект был мгновенным.

«Я убью тебя», — выдохнула Мито, больше ничего не боясь. Ее печать «Сила сотни» быстро перемещалась по ее телу, черные линии прочерчивали ее лицо и тело, позволяя ей вырваться из пут. Эрен отполз назад, но Мито почувствовала, что ее чакра снова падает, и запаниковала – но только на секунду. Опустив ладонь в кровь, текущую по ее спине, она прошла через другой набор ручных печатей.

Кабан → Собака → Птица → Обезьяна → Баран. «Кучиёсе но дзюцу!» Она исчезла в клубах дыма, так и не увидев того ада, который разразился в то же время. Когда дзюцу исчезло, Мито обнаружила, что почти беспомощно лежит в странном месте, оставшаяся от печати чакра быстро улетучилась из нее. Была ли эта часть горы Мёбоку другой, чем та, которую она видела раньше? Это определенно был не лес Сиккоцу.

К ней приблизилась чибифицированная версия чрезвычайно опасного призыва, доказывая, что это не жабья гора, и Мито вздрогнула. «О боже».

Эрен повернулся и увидел яростные голубые глаза и светлые волосы Йондайме Хокаге. — Что ты сделал с моей дочерью? — прошипел Флэш, когда его голова ударилась о бетонную стену.

Эрен не чувствовал своих рук и не мог дышать! Маленькая комната была заполнена новыми шиноби. Шиноби, которые были верны Йондайме Хокаге!

«Сенсей, я видел печать», — крикнул Какаши, перекрывая хаос, который, больше всего остального, вызывали высвобожденная чакра его сенсея и его убийственное намерение, когда он и взвод стражи Минато разрывали находившихся на месте событий.

«Где моя дочь ?» — прорычал Хокаге.

«Я… я не знаю!»

«Генма! Принеси мне Иноичи», — потребовал Хокаге, прежде чем в его правой руке вспыхнул Расенган. Он поднял его перед глазами явного извращенца и потенциального насильника. «Я позабочусь о том, чтобы ты никогда больше не делал ничего подобного», — сказал он холодным голосом.

Минато вонзил дзюцу прямо в пах мужчине. Его плоть летала повсюду, когда он кричал. Хокаге позволил дзюцу упасть, чтобы убедиться, что преступник - один из похитителей его дочери - не умрет немедленно. Он хотел, чтобы этот человек чувствовал невообразимую боль и страдал как можно дольше. Его охранник снова появился в построении Летящего Грома, на этот раз с Иноичи Яманакой в центре. — Иноичи, узнай всё.

— Минато, у нас проблема, — крикнул Иноичи. Он не знал, что, черт возьми, здесь происходит!

"Разве похоже, что меня это волнует?" Минато усмехнулся. «Делай свою чертову работу!»

— Да, сэр, но Наруто пропал.

Минато остановился, чувствуя, будто его дыхание и душа только что покинули тело. — Тогда начни с него, — сказал он пустым голосом, указывая на Казуму. Казума был слишком напуган, чтобы что-либо сделать, увидев, что случилось с его товарищем: его товарищем, который все еще кричал и корчился от боли, скучая по своему…

«Ты чертов монстр», — прерывисто прошептал предатель, прежде чем Иноичи углубился в его разум.

«Вы понятия не имеете», — сказал Минато тихой, внимательной комнате. Он оглядел комнату и глубоко вздохнул. Маркер Хираишин, принадлежавший его дочери, был вырезан из нее и валялся калачиком на полу. — Разве ты не слышал обо мне?

http://tl.rulate.ru/book/96211/3296481